

Шостакович Дмитрий Дмитриевич
25.09.96

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ШОСТАКОВИЧУ

Сегодня великому композитору исполнилось бы 90 лет

Есть люди в искусстве, чье душевное горение словно электризует, уплотняет вокруг них атмосферу. Таков Шостакович. Нет в русской музыке XX века фигуры более трагически-великой. В 20 лет он всемирно известный сочинитель, в 30 публично поношаем за «сумбур вместо музыки», в 40 облакан высочайшим вниманием и... запрещен. Слава Богу, ненадолго.

Но самый главный счет Шостаковича — счет написанной им музыки: 15 симфоний, 15 квартетов, 6 инструментальных концертов, 2 оперы, 3 балета, песни, музыка к десяткам фильмов... Он один из самых исполняемых композиторов в мире.

Орбита шостаковичевской жизни вовлекла в себя выдающихся людей века. О Дмитрие Дмитриевиче говорят те, кто знал его и любил, кому дорога его музыка.

(Окончание на 5-й стр.)

Гравюра Николая ЕРЕМЧЕНКО.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ШОСТАКОВИЧУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Мстислав Ростропович:

Было много случаев, когда Бог даровал мне радость что-то делать вместе с Шостаковичем. Например, его первый виолончельный концерт я выучил наизусть в течение четырех дней. Он дал мне эти ноты 2 августа 1958 года, а я к нему пришел 6-го...

Он не был трусливым. Наоборот, мог быть настоящим героем. Но однажды пришел, и у него слезы стояли в глазах; он сказал мне и Гале: «Я боюсь, а вдруг мне запретят сочинять? Тогда вы знаете, сколько людей останутся голодными? Ведь мне нужна по крайней мере дюжина яиц только на завтрак, чтобы накормить своих...» У него были дети Максим и Галя, была секретарша, домработница...

Однажды он задал мне странный вопрос: «Слава, если бы вы узнали, что Шопен убил человека, стали бы вы слушать его музыку?» Я ответил, что, зная музыку Шопена, не могу предположить, что он мог убить человека... Но Шостаковича беспокоил этот вопрос. Его всегда беспокоило зверство. Ведь при Сталине многие его друзья погибли.

Очень давней моей мечтой было поставить «Леи Макбет Мценского уезда», и Д.Д. знал об этом. Меня поражало, что молодой человек — ему было в момент сочинения оперы 25—26 лет — мог создать такую мощную музыку. Ощущение такое, что кто-то диктовал ему ее...

Там есть несколько буквально шоковых моментов, которые только натура гениального композитора могла из себя вытолкнуть — когда весь оркестр обрушивает

такое фортиссимо, будто разверзлись небеса. Это какой-то перст Божий, Божье око, Божье присутствие. Я думаю, что через 20 лет эта опера будет самой популярной оперой в мире.

Зара Долуханова:

Я встретила Шостаковича на исполнении его вокального цикла «Из еврейской народной поэзии», встречалась и потом, когда пела Четырнадцатую симфонию. Не могу сказать, что он меня как-то выделял из других участников исполнения, он в равной степени помогал своими дружескими, спокойными, деловыми замечаниями всем музыкантам.

Очень жалею, что не сошлась с ним ближе. Я комплексовала перед таким великим человеком. А он тоже был очень деликатным. И оттого еще более далеким.

Может быть, это от того, что я не все в нем понимала как в музыканте? Тогда, слушая его симфонию, я иногда испытывала недоумение. Но потом созрела, выросла, его музыка стала для меня необходимостью, радостью, утешением...

Не знаю, писал ли он массовую музыку только для того, чтобы к нему не было претензий со стороны его противников. Но ведь и такие сочинения у него, как правило, очень хорошие, наверное, ему было интересно попробовать свои силы в этих жанрах.

Со временем он стал мне ближе, понятнее и как человек. Сегодня я стараюсь оправдать его во всех его поступках, даже тех, которые кое-кто считает компромиссными. Думаю, теперь я бы смогла преодолеть свою стеснительность и, будь он жив, пошла

к нему, поклонилась за все то доброе и великое, что он сделал.

Борис Покровский:

Как-то я задал Дмитрию Дмитриевичу вопрос, по которому и теперь еще ломаются копыта: на каком языке надо ставить оперу? «На том, который понятен публике», — ответил Шостакович.

Быть понятным людям, народу — вот чего он хотел в искусстве. Его патриотизм не был шумным, но он шел из самой глубины его натуры. Однажды мы встретились в Берлине, там немецкий режиссер Фишер поставил его оперу «Нос». Я порадовался за Дмитрия Дмитриевича, поздравил его — а у него были грустные глаза, и он мне ответил: «Спасибо. Но ведь эта опера-то национальная...» В это мгновение я мысленно дал себе слово, что обязательно поставлю «Нос» в России. И поставил, с этого началась история моего Камерного музыкального театра.

Он не был боязлив. Скорее, играл в боязливость. Вот как Прокофьев играл бравату — нацепил все свои пять медалей и написал их постоянно, чуть ли не на пальто: «Пусть знают, за что ругают!» А у Шостаковича была другая маска — робости; он как бы кидал кусок своим гонителям: вот, дескать, вы хотели видеть меня упавшим — пожалуйста, я упал... Но, по сути, он был тверд, даже очень тверд. Как решительно он защищал новую музыку в своих статьях 50-х годов! Защищал не себя — своих товарищей. А голос такого человека что-нибудь да значил. Сталин, умный политик, понимал это, недаром в 49-м году даже звонил ему домой, уговаривал поехать с делегацией за гра-

ницу, ему нужно было, чтобы лицо страны представлял такой авторитетный человек, как Шостакович.

Останься он в живых, ему было бы сегодня, думаю, очень тяжело. Потому что боли в жизни стало больше. А он остро чувствовал боль. Боль и красоту жизни он мог передать одновременно. Именно потому его искусство нам так нужно.

Дмитрий Лихачев:

Шостакович был как снаряд, заряженный творчеством. У него были стремительная походка, стремительное мышление, стремительное творчество.

Я — не специалист в музыке, я слушатель. Его музыка часто взвинчивает, бьет по нервам. Хорошо это или плохо? Я слышал разные мнения, но во всяком случае к его музыке невозможно остаться безразличным.

Его иногда сравнивают с Шекспиром, и я думаю, что такое сравнение правомерно.

Он умел передать в музыке трагизм жизни, который чувствовал очень остро. Я думаю, тому виной не только внешние обстоятельства его собственной судьбы, но особые свойства натуры. Где бы он ни жил, в каких бы условиях — даже комфортных, он все равно бы ощущал трагедию всех живущих, хотя бы потому, что существование их конечно.

То, что годовщина Шостаковича отмечается так широко, еще раз показывает, что в культуре есть вещи, существование и ценность которых ни от чего не зависят: они уже есть.

Публикации подготовили
Сергей БИРЮКОВ
и Полина СОЛОВЕЙ.